

Антон Красовский

ЗВУКИ МУК

Мамонов Петр - 20.11.1941 - 14.09.01 - С.Р.
 Литературные чтения
 Петра Николаевича Мамонова

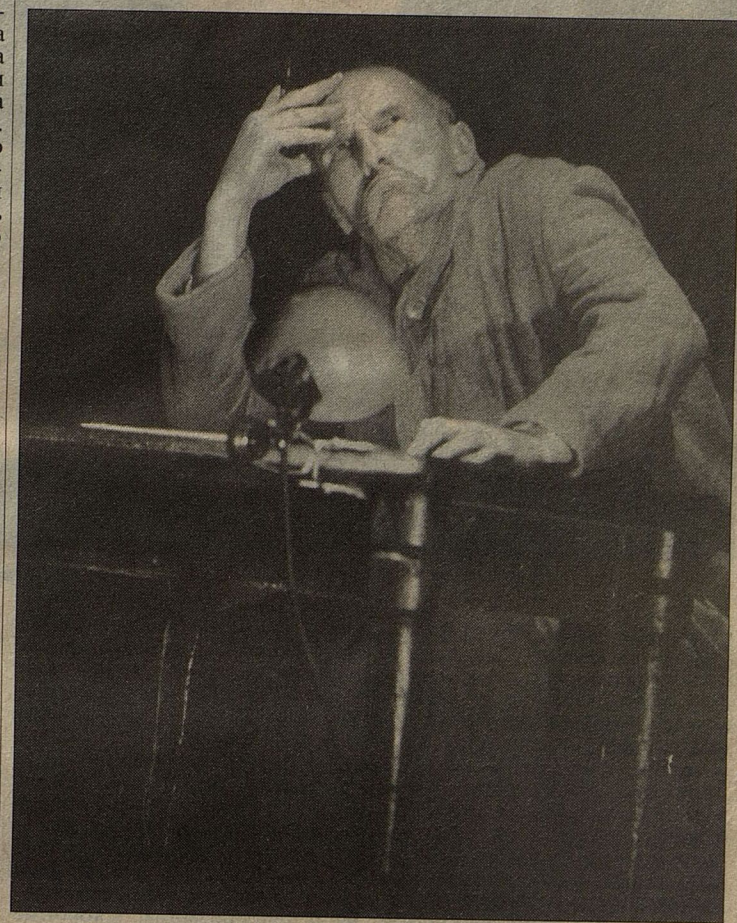
БЫЛО странно и страшно в тот вечер. Странно, что Мамонов ни словом не обмолвился о жуткой катастрофе, произошедшей в Америке. Не намекал, не посочувствовал. Страшно, что никто в зале этому не удивился. Мерзко, что никому — ни артисту, ни зрителю — неинтересно, а там-то что, за дверью. За морем, за горами. Отвратительно, что всем уныло наплевать и на горе, и на бонтон. Полная дезориентация. Такая Аргентина — 43-й год. Где-то полыхают города, а тут цивилизованные люди дурачатся про смысл жителя-бытия, шутят, про «смерть сквозь жизнь», орут в несколько микрофонов, дарят маргаритки. Гадость! И не то гадость, что П.Н. Мамонов не скорбит — он вообще, видимо, совсем, как бы это сказать помягче... себе на уме. Гадость, что мы все там же — с ним в обнимку. Но тогда Пушкина — а вечер назывался «Шоколадный Пушкин» — не надо тут, пожалуйста. Совсем. Переименуйте обратно в «Шоколадного Элвиса», как и хотели сначала. Впрочем, нет. Не стоит. Это было бы уж просто подло.

Мамонов — пожилой, видно уже не совсем здоровый человек — занимается удивительным делом. Он весело и игриво инкрустируется в пространство. Камнем инкрустируется. Самоцветом.

Пространству нравится такое занятие Петра Николаевича. Оно, пространство, состоящее из букашек, фенечек, гитар, огня, человечков и проч., очень даже довольно, что какой-то лысый клоун лезет в него настырно, словно крот. Распикивая в стороны ненужные детали: комочки грязи, словеса и чужие таланты. Пространству по душе оправлять этот кривляющийся яркий многогранник аплодисментами и всенародной искренней любовью. Так уже лет двадцать. Рок-н-ролом ли Мамонов тешился или музыкальными фантазмагориями в стиле «У каждой бабы есть свои люляки». Не важно — он наш, родной, запойный малый. Малым остающийся и в 50. Как такому не потрафить?

Случившийся десятилетие назад переход в театр не изменил к нему отношения публики. Да и публика-то изменилась не очень. Те девочки-мальчишки в тертых тишинских штиблетах, что бегали на концерты Мамонова и брата в соседний ТЮЗ, теперь ходят на его спектакли. В костюмчиках, в очках — приятные дамы-господа, словно только что из банка.

Петр Николаевич любит их всех, будто собственных чад, дарит им гримасы, потчует всякими уютюшками, таращит глаза. Переодевается в камердинерские сюртуки и клоунские панамки с бубенцами. Читает стишки, горланит песенки. Словом, развлекает, как умеет. Многим кажется, что

Мамонов слышит божьи голоса. Судя по всему, Бог, в последнее время, Петром Николаевичем не очень доволен.
 Фото Михаила Гутермана

умеет ладно. Наверное, не безосновательно.

Но ведь представление, обзывалось не клоунадой, не петрушкиными сказками, а «литературным вечером». Значит, были претензии не столько на художественность представления, не на развлекательную мимику, сколько на текст. На его звучание, на смысл. Так вот, оказалось, что Петр Николаевич Мамонов — чепуховый литератор. Неяркий, не шибко умный.

Тексты, прочитанные, спетые или проговоренные со сцены — простенькие и незамысловатые — не про то. Понимаете? Есть тексты про то и не про то. Вот мамоновские — из второй серии. Такие еще называют «не в кассу». Там есть, конечно, всевозможные атрибуты большой литературы: смерть, любовь, пиво, муки творчества. Но скомканы они без любви. Без дара, которым Мамонов гордится с ма-

ниакальной эксцентричностью. Дескать, «через меня бог глаголит». Только когда в чем-то бог — не бывает неловкости. Петросяновщины не бывает. А тут ее хоть отбавляй. Почти банальные шутки, рассказы про очереди в винном, про ящики, про жену. Слова забытые: «брежневщина», 220 рублей, НИИ. Не бог это говорит, а медицинская карта.

Много раз мне приходилось писать, что Петр Николаевич едва ли не чудо света, чуть ли не апостол. Отрекаюсь. Больше не буду. И все же. Мамонов — необычное и необходимое явление в русском театре. Он своей придурковатостью и горлом зовет, тащит в зал сотни и тысячи людей, ничего никогда не слышавших о Станиславском или Брехте. Он, изменив капризную сцену, превратив ее в площадку для дуракаваляния, запретил понятие «храм культуры». И то и другое — крайне важно. ■